литься в подготовку целой серии исследований на эту тему. В этом убеждает тот факт, что помимо опубликованного Сумароковым сочинения «Первый и главный стрелецкий бунт, бывший в Москве в 1682 году» (СПб., 1768) сохранилось начало его следующего труда — «Вторый стрелецкий бунт». Рукопись осталась незавершенной и в таком виде была опубликована Н. И. Новиковым уже после смерти Сумарокова в его «Полном собрании всех сочинений...» (М., 1781. Ч. VI. С. 221—230).

Тема стрелецких бунтов находилась в поле зрения Сумарокова уже в 1750-е гг., о чем можно судить из содержания его «Оды на государя Императора Петра Великого», опубликованной в журнале «Ежемесячные сочинения» (1755. Т. I. С. 219—222). Значительное внимание этому событию уделил Ломоносов в Песни I своей незавершенной героической поэмы «Петр Великий» (1761). Кстати, уже он нашел необходимым подчеркнуть особые сложности, неизбежно возникавшие при обращении к данной теме, поскольку в событиях, связанных с выступлениями стрельцов, были замешаны многие знатные боярские и дворянские роды, чьи представители в этот критический период борьбы за власть и последовавшей за нею кровавой смуты подчас проявили себя не с лучшей стороны. Этот момент надо особенно иметь в виду, поскольку, как нам представляется, одной из причин, объясняющих обращение Сумарокова к теме стрелецких бунтов, было то, что в исторических известиях о событиях, предшествовавших мятежам, на каком-то этапе фигурировал представитель рода Сумароковых в контексте, явно уязвлявшем чувство семейной гордости, о чем еще ниже пойдет речь. Были и другие факторы, определившие актуальность для Сумарокова данной темы.

Выше я уже заметил о вспышке историографической активности, приходившейся в России на конец 1760-х гг. Летом 1767 г. литературный противник Сумарокова, романист Ф. А. Эмин, закончил перевод на русский язык известного в Европе труда Вольтера «История Российской империи при Петре Великом» («Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand», 1759) и представил его к изданию в типографию Петербургской академии наук. Причины, по которым перевод труда Вольтера, так долго ожидавшийся в России, так и не был в XVIII в. опубликован, остаются до конца не проясненными. Известно лишь, что уже в сентябре того же года Эмин пишет в Комиссию Академии наук доношение, где сообщает о начале работы над «Российской историей», первый том которой, посвященный древнейшему периоду отечественного прошлого, был к этому времени уже готов.

Сумарокову было, конечно же, известно о подготовленном Эминым переводе. Известно, по-видимому, ему было и то, что материалы для вольтеровского труда готовил в Петербургской академии наук Ломоносов. Кстати, в «Примечаниях» на руко-